

Трудные годы

1. Трудные годы

У художника Владимира Александровича Серова (1910—1968 гг.) есть картина, на которой изображена парадная лестница Зимнего дворца со следами только что прошедшего штурма. На ней три фигуры: рабочий, дающий прикурить солдату, а выше, на лестничной площадке, матрос, читающий газету. Картина называется «Зимний взят». Это символ свершения революции. Революционный пролетариат под руководством партии Ленина взял власть в свои руки.

Это стоило больших жертв, огромных усилий. Но затем встали задачи не менее трудные: отстоять взятую власть, победить внешнюю и внутреннюю контрреволюцию, хозяйственную разруху, научиться быть хозяевами своей страны.

Промышленные предприятия нашей, тогда Владимирской, губернии постепенно переходили в руки рабочих. В брошюре «1917 год во Владимирской губернии»¹ есть заметка, датированная ноябрём 1917 года.

На Бельковской фабрике ф. Ганшиных (их имение при дер. Горки Переславские) в Александровском уезде фабрично-заводским комитетом организован совет комиссаров. Председателем совета избран С. В. Котков, комиссарами труда — С. В. Сафронов, финансов — Г. В. Афанасьев и хозяйства — З. Д. Анучин. Совет взял в свои руки управление фабрикой, а фабриканту А. А. Ганшину, как специалисту, постановили положить жалование в сумме 10 000 руб. в год.

Переходили в руки рабочих и другие предприятия. Самая большая в нашем городе и уезде прядильная фабрика товарищества Переславской мануфактуры декретом Советского правительства от 18 июня 1918 года была национализирована и перешла в руки рабочих. Но у руководства фабрикой продолжали оставаться прежнее правление и директор — англичанин Ф. И. Орелль, а цехами и отделами фабрики руководили специалисты-англичане. При фабричном комитете была создана контрольная комиссия рабочих, которая осуществляла контроль за деятельностью правления и администрации фабрики. В состав комиссии входили: прядильщики Фома Илларионович Лукьянов, Иван Васильевич Захаров, служащий конторы Алексей Никитович Поляков.

Англичане вначале полагали, что Советская власть долго не продержится и хозяева снова получат фабрику обратно, но им пришлось более лояльно обходиться с рабочими, прекратить окрики, грубости и штрафную систему. Кроме того, их жилую площадь уплотнили, подселив в их большие квартиры семьи рабочих и служащих, что им, конечно, было неприятно.

В дальнейшем, видя, что интервенты и белогвардейцы терпят на фронтах одно поражение за другим и что надежды на возвращение хозяев остаётся всё меньше и меньше, они заявили, что больше работать в таких условиях не желают, и 20 февраля 1920 года все англичане покинули пределы Переславля и Советского Союза. Коллектив предприятия остался совершенно без технического руководства.

Нужно было прежде всего решить вопрос о новых кадрах, которые могли бы осуществлять нормальное руководство фабрикой. В помещении деревянного хлопкового склада на общем собрании рабочих стоял вопрос о выборе директора предприятия. Сошлись на кандидатуре активного члена фабричного комитета, возильщика ровницы Сергея Акимовича Талина. Он долго

*Соболев, П. В. Трудные годы / П. В. Соболев // *Коммунар*. — 1997. — 9 июня; 13 июня; 7 июля; 10 июля; 14 июля; 22 июля. — С. 3; 3; 3; 3; 3.

¹Шаханов, Н. 1917 год во Владимирской губернии / Н. Шаханов. — Владимир: Владимирское губернское издательство, 1927.

отказывался, ссылаясь на свою недостаточную грамотность и отсутствие опыта хозяйственной работы, но под настойчивыми уговорами собрания дал согласие и был единогласно избран директором.

Заведующим основным производством был назначен опытный кадровый служащий Иван Андреевич Емельянов. Вместо мастеров (а по существу начальников цехов) англичан были выдвинуты наиболее опытные помощники мастеров или, как их тогда называли, «подмастерья». Так, мастером прядильного цеха стал Фёдор Егорович Ершов, прядильного — Семён Никитович Баранов, лентобанкаброшного — Михаил Николаевич Моисеев, трепально-чесального — Иван Прокофьевич Буров. Сортировщиком хлопка продолжал работать, как и при англичанах, Гурий Иванович Белов.

Это были опытные практики. Они могли хорошо осуществлять наладку и ремонт оборудования, поддерживать заданный технологический процесс, но были малограмотны и не умели произвести самые простые расчёты на переправку оборудования при изменении номера пряжи и не могли самостоятельно разобраться в самых элементарных параметрах технологического процесса.

Мастерами смен также стали опытные «подмастерья» В. И. Иванов, Ф. К. Шальнов, П. Н. Шеманаев и другие. Все они были малограмотны, учились в начальной школе, а то и у дьячка одну-две зимы. Но выход из создавшегося положения был найден.

2. Русский инженер

В то время для руководства предприятиями было создано объединение текстильных предприятий по территориальному признаку — кустовое правление хлопчатобумажных фабрик Александровского объединения. В него вошли: Карабановская фабрика «Ш Интернационал», Струнинская «5-го Октября» (позднее обе стали комбинатами), Александровская фабрика имени Фёдора Калинина, Переславская «Красное эхо», Бельковская и некоторые другие.

Учитывая отсутствие на «Красном эхе» грамотного технического руководителя, кустовое управление своим распоряжением от 26 марта 1920 года за № 14 делегировало с Карабановской фабрики опытного инженера-технолога Николая Александровича Юшкевича по совместительству, для технического руководства путём периодического посещения фабрики «Красное эхо».

Из сохранившихся распоряжений и отчётов этого, уже преклонного возраста, русского инженера Н. А. Юшкевича видно, что он в тот исключительно трудный и ответственный период не по форме, а по существу исполнял свои обязанности и делал всё от него зависящее, чтобы помочь рабочим, взявшим власть в свои руки, правильно вести управление фабрикой в условиях хозяйственной разрухи в стране.

Вот пример одного из его указаний рабочему директору С. А. Талину, а по существу совет, как лучше использовать котельное оборудование. Это было необходимо, так как приглашённый со стороны механик Д. А. Шепелевич халатно относился к исполнению своих обязанностей, за энергохозяйством смотрел плохо. Юшкевич писал:

Прошу обратить внимание на то обстоятельство, чтобы экономайзер (водо- или воздухонагреватель) работал постоянно, так как от этого зависит экономия в расходе топлива. Кроме того, необходимо прядильное оборудование перевести на самостоятельную премию от выработки пряжи, назначив довоенную норму в 290 пудов при скидке для настоящего времени в 40 процентов. Сделать это нужно возможно скорее. Нужно прибавить выработку пряжи основы № 20 за счёт № 24 и снова главным образом № 20, оставшуюся пряжу № 20 паковать и укладывать.

Непосредственным исполнителем всех изменений в технологическом процессе был И. А. Емельянов, который исключительно точно исполнял все передаваемые ему указания. В отчёте о работе фабрики за период с февраля 1920 по апрель 1921 года Н. А. Юшкевич писал:

Несмотря на многие неблагоприятные обстоятельства, каковы: недостаток технического персонала, общая разруха, недоедание рабочего, недостаток необходимых материалов и другие причины, выработка на многих прядильных машинах достигла «норм довоенного времени». Номер пряжи при выпрядке держится правильным и крепость пряжи удовлетворительная, принимая во внимание качество хлопка. ...до настоящего времени натуральная премия (мука, рыба, чай, сахар, керосин, мыло) для рабочих не получена.

Он выражал прямое беспокойство, что

при настоящем запасе дровяного топлива работа на фабрике может продолжаться только непродолжительное время. А поэтому должны быть приняты все меры, чтобы фабрика снабжалась топливом в продолжении всего летнего периода.

Добираться из Карабанова до Переславля, особенно в зимнее время, для пожилого человека было довольно трудно, но Н. А. Юшкевич с этим не считался. Ехал поездом до Александрова, здесь пересадка на поезд до ст. Берендеево, куда за ним высылалась лошадь. Обычно за ним выезжал старый кучер, дедушка Игнатий Егоров, с обязательным тулупом. Как-то в одном письме И. А. Емельянову в конце очередных производственных указаний Н. А. Юшкевич сделал приписку: «Потерял перчатки, спросите, пожалуйста, у дедушки Игнатия — не оставил ли я их у него в возке».

3. Первый рабочий клуб

Тяжела, беспросветна была жизнь рабочих в общежитиях-казармах или, как их тогда называли, каморках. Казарм было три. Они располагались по берегу реки Трубеж в южной части Комсомольской площади, носили названия: «старая» трёхэтажная, сейчас дом № 1, «газовая» двухэтажная (потому что к ней примыкало помещение, в котором вырабатывали светильный газ для освещения фабрики), сейчас дом № 2, при реконструкции здания надстроен третий этаж; «новая» трёхэтажная, сейчас дом № 3. Называли их также «весёлевские» — ирония от слова «весёлая».

Действительно, жизнь в них была «весёлая». Общий коридор во всех этажах, по обе стороны комнаты-каморки. Были случаи, когда в одной комнате проживало по две семьи, разделённые занавеской, были и артельные комнаты для одиночек. В середине здания, обычно во втором этаже, общая кухня с огромной печью и столами для готовки. Туалет один на каждый этаж. Но за это жильё держались: зимой было тепло — центральное отопление от котельной, печь в кухне круглые сутки горячая. Баня и угли для самоваров от хозяина — бесплатно. Развлечение в праздничные дни — лишь церковь да трактир.

В индивидуальных домишках на старой и новой Куманинке жизнь была не лучше, а зимой (домишки были плохие) было очень холодно. Учителя фабричной начальной школы делали попытки к организации культурной работы с рабочими, показывали так называемые «туманные» картины через «волшебный фонарь», читали произведения Л. Н. Толстого: «Сколько человеку земли надо», «Чем люди живы» и другие. Но это было очень редко и носило показательный характер. Поэтому, как только фабрика перешла в руки рабочих, в «белом» доме (дом № 39 по Комсомольской площади), где раньше жили англичане и были квартиры для наездов членов товарищества — хозяев фабрики (что и подчёркивало название «белый» дом), во втором этаже, в бывших хозяйских комнатах был организован рабочий клуб.

Парадный банкетный зал стал зрительным залом. Зрители в нём присаживались на простых деревянных скамьях-лавках — зал вмещал до двухсот человек. Соседнюю комнату переделали под сцену и соединили с залом. Были комнаты для участников самодеятельности, библиотека-читальня, по соседству располагался фабричный комитет. Сейчас все эти помещения занимает профилакторий фабрики.

Из «каморок» с Куманинки, с Вознесенки потянулись в клуб и взрослые, и дети. Тяга к культурным мероприятиям была тогда огромная. Самодеятельный коллектив актёров, певцов, музыкантов был небольшой, но дружный. Драмкружок ставил пьесы А. Н. Островского: «Бедность не порок», «Гроза», «Лес» и другие. Некоторые участники драмкружка были талантливыми самородками, зрители любили спектакли с участием Василия Михайловича Лукина (о нём чуть подробнее скажем ниже), Андреяка Александровича Блинова, Ивана Сидоровича Румянцова, Клавдии Васильевны Горюновой, Веры Алексеевны Житниковой и других. Организовался небольшой хор под руководством Аркадия Аркадьевича Козлова. Появились солисты хора: Владимир Андреевич Кумошенский, Александр Сидоров.

В клубе буквально кипела работа: писались декорации, мастерился реквизит, проходили репетиции, слевки и т. д. А когда из Москвы на фабрику приехал зам. директора Владимир Николаевич Николаев, грамотный любитель пения, начали репетировать арии из опер, что потом перешло на городские сцены как самодеятельные постановки оперы «Фауст», а позднее под руководством Б. Г. Былинина опера «Русалка».

Клуб был маловат, но полон жизни. В клубе устраивались детские ёлки, детей угощали чаем (морковным) с куском чёрного хлеба, помазанного мёдом. Здесь же устраивались детские

спектакли силами учащихся начальной школы № 2 (бывшая фабричная школа): «Снегурочка», «Аленький цветочек» под руководством зав. школой Клавдии Ивановны Петровой.

С открытием в 1926 году клуба имени Дзержинского они повторялись на его сцене. О Василии Михайловиче Лукине хочется рассказать подробнее. Он — выходец из потомственной рабочей семьи. За хороший почерк попал в конторщики. Находчивый и остроумный, он имел природный актёрский талант. Когда говорил монолог Любима Торцова из третьего действия пьесы А. Н. Островского «Бедность не порок»: «Послушайте, люди добрые! Обижают Любима Торцова, гонят вон. А чем я не гость? За что меня гонят? Я не чисто одет, так у меня на совести чисто...» — многие зрители не могли удержать слёз.

Это была недюжинная натура, которую в конце концов одолел и погубил «зелёный змий». Он ушёл от семьи, часто ночевал в старой казарме на общей кухне. Но даже и в эту последнюю свою полосу жизни, в дни просветления от алкогольного дурмана, там же, на общей кухне, по вечерам читал вслух романы Мамина-Сибиряка, Шемера Михайлова, читал выразительно, задумчиво. Об этих читках как-то вспомнил ветеран фабрики Георгий Васильевич Прогонов: «Даже из других казарм приходили его слушать, и спать давно пора, завтра на «заработку» вставать (к шести утра), и слушать хочется, никак не оторвёшься». Дочь В. М. Лукина — Зинаида Васильевна Лукина-Рязанова долго играла в драмкружке клуба имени Дзержинского, сейчас она в преклонном возрасте, но продолжает трудиться на фабрике. Его сын Виталий Васильевич Лукин работал на фабрике ремонтником и помощником мастера, в годы войны погиб смертью храбрых, защищая Родину.

В то тяжёлое время, когда было плохо с питанием, одеждой, обувью, маленький клуб в «белом» доме был лучом света тех трудных лет.

4. Останов фабрики

Несмотря на принимаемые меры по доставке топлива (дров) на фабрику, их не хватало. Была проложена узкоколейная железная дорога (из рамочных рельсов лёгкого типа). Дрова транспортировались на вагонетках с конской тягой, но лесосеки быстро истощились, и поступление прекратилось. Хронический недостаток топлива продолжался.

К тому же в ноябре 1922 года ночью загорелся деревянный склад хлопка (он стоял между кирпичными палатками 105 и 104 и зданием средней фабрики). Огонь через оконные проёмы перекинулся на кирпичные хлопковые склады, сила огня была так велика, что балки перекрытий свивались в спираль. Загорались рамы в среднем корпусе, но фабрику удалось отстоять. Сгорело более 1 000 тонн хлопка, что резко сократило его запасы.

В причине пожара подозревался злой умысел — поджог с целью нанесения ущерба молодому Советскому государству. Недостаток целого ряда вспомогательных материалов: шинного и веретённого масел, олова и других, — привёл к длительному вынужденному останову фабрики, который был санкционирован кустовым управлением с 4 апреля 1923 года.

Поскольку останов предполагался длительным, было необходимо произвести консервацию всего технологического оборудования. Части чесального оборудования, обтянутые кардолентой, в неотапливаемом помещении оставлять было нельзя. Поэтому было принято решение все эти части, детали с оборудования снять и перенести в отапливаемое помещение (жилой дом № 39). На специальных стеллажах эти детали были разложены и хранились там в течение двух лет до пуска фабрики. Все эти детали, особенно с чесальных машин, имели большой вес, и их переносили вручную на специальных носилках.

Останавливались по тем же причинам (отсутствие сырья и топлива) и другие предприятия города: завод № 6 компании «Проводник», фабрики Захряпиных (мебельная), вышивальные «Новый мир» и «Красный вышивальщик» и другие.

Промышленность Переславля замерла.

5. Прощание с Лениным

Январь 1924 года. Сильные морозы. Жизнь Переславля замерла. Перестали дымить фабричные трубы, замолкли гудки, часть рабочих разъехалась в другие места, а многие стали посетителями городской биржи труда в ожидании какой-либо случайной работы. Она выпадала редко, только зимой 1923 года нужно было запасной ланкаширский котёл с «Красного эха»

перевезти на городскую водокачку, в этом участвовала почти вся биржа труда (мужчины). 17-тонный котёл на больших деревянных санях был перевезён через весь город на городскую водокачку. По вечерам и ночам уличного освещения не было. В котельной фабрики «Красное эхо» из 11 котлов работал только один, для работы парового движка к динамо-машине, которая в тёмное время суток давала дежурное освещение в корпуса фабрики и жилые дома на Комсомольской площади.

И вот в такое тяжёлое, тревожное время скорбное известие облетело страну: 21 января в 18 часов 50 минут в Горках под Москвой скончался вождь рабочего класса и мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин. С траурными флагами шли переславцы, горожане и представители сёл и деревень уезда, на траурные собрания, которые состоялись в Народном доме (сейчас Дом пионеров), в школе 2 ступени (средняя школа № 1 имени В. И. Ленина). В актовом зале школы над сценой слова — «Везде — всегда нераздельно с нами». За столом президиума члены укома, члены уисполкома. Секретарь укома Угодин своё выступление заканчивает обращением к партии и народу Пленума ЦК партии:

Его физическая смерть не есть смерть его дела, Ленин живёт в душе каждого члена нашей партии. Каждый член нашей партии есть частичка Ленина. Вся наша коммунистическая семья есть коллективное воплощение Ленина.

И призывает к единению вокруг партии всех советских людей.

На другой день состоялось траурное собрание учащихся школы 2 ступени. Краткое сообщение директора школы, выступления преподавателей, учащихся. Читались стихи, посвящённые памяти Ленина, и среди них стихи Н. Полетаева:

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Школьный хор исполнил любимую песню Ильича «Замучен тяжёлой неволей».

Школа в тот год отапливалась плохо, занимались в верхней одежде, писали только карандашами. К гробу вождя, в Москву, уездный комитет партии направил венок от жителей города и уезда. В день похорон Владимира Ильича Ленина в 16 часов в лютый мороз на стоящих промышленных предприятиях города в котельных подняли пары и дали прощальный пятиминутный салют гудками. Так давно не звучавшие фабричные гудки разбудили застывший город, они прощались с вождём и звали продолжать его дело. Работники милиции на Красной площади отдавали ружейный салют. Так провожали на вечный покой вождя рабочего класса трудящиеся Переславля.

6. Весна 1925 года

Пять лет напряжённого труда потребовалось советским людям, чтобы восстановить после империалистической и гражданской войн разрушенное и истощённое народное хозяйство, залечить раны, нанесённые вражеской интервенцией. В обстановке большой нужды, не имея достаточного опыта, вместе со всем советским народом переславцы возвращали к жизни промышленные предприятия. После двухгодичного останова готовилась к пуску (из консервации) фабрика «Красное эхо».

На фабрику приехала группа инженеров и техников во главе с опытным специалистом текстильной промышленности Иваном Петровичем Борисовым. Из Карабанова, Струнина возвращались кадровые рабочие-переславцы. Шли восстановление и наладка технологического оборудования, ремонтные работы в паросиловом хозяйстве. Ожил конный двор фабрики, из Струнина возвратилось более 30 лошадей-тяжеловозов, отправленных туда на период останова. Со станции Берендеево подвозили хлопок, другие вспомогательные материалы, из леса потянулись обозы с дровами.

Велика была радость трудящихся города, когда они увидели дым, идущий из труб фабрики, и, наконец, услышали голос родного гудка. Фабрика была полностью пущена 19 мая 1925 года. Работали в две смены, по восемь часов каждая, с одним выходным днём — воскресенье. Рабочие, инженерно-технические работники, служащие торжественно отметили пуск фабрики. Все предприятия, входящие в состав Владимирско-Александровского треста, прислали свои

делегации для участия в торжестве по случаю пуска фабрики, а струнцы прислали свой духовой оркестр. Против корпуса старой фабрики до революции стояла кирпичная часовня. Её вначале переоборудовали под газетный киоск, а затем сняли верх и на основании соорудили трибуну. Вот у этой трибуны и проходило собрание, посвящённое пуску фабрики.

Присутствовал зам. министра текстильной промышленности И. Г. Ерёмин. Выступая на собрании, он говорил, что сегодня пускается в работу ещё одна фабрика, недалёк тот день, когда все текстильные предприятия будут нормально работать, но предстоит большая работа по подготовке кадров, использованию оборудования, улучшению жилищных условий.

Директором фабрики был назначен А. А. Лосев. Впереди были большие проблемы: нужно было осваивать добычу нового вида топлива — торфа, решать вопрос с заменой паровых машин на более экономичные паровые турбины и ряд других неотложных вопросов. И об этом будет продолжен рассказ.

П. Соболев.